

УДК 821.161.1

**«КРАЕВ ЧУЖИХ НЕОПЫТНЫЙ ЛЮБИТЕЛЬ»:
ГЕОГРАФИЯ В САТИРАХ А.Д. КАНТЕМИРА**

© Довгий Ольга Львовна (2019), [orcid.org / 0000-0002-3957-7857](https://orcid.org/0000-0002-3957-7857), SPIN-код: 1275-8614, доктор филологических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1), доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Российская Федерация, 125993, Москва, Миусская площадь, д. 6) olga-dovgy@yandex.ru

Статья продолжает серию публикаций автора, посвященных микрофилологическому анализу поэтики сатир А.Д. Кантемира. Основной принцип этого подхода заключается в признании сатир единым текстом, единым поэтическим миром, допускающим бесконечное число интерпретаций сквозь разные исследовательские призмы. Результаты, достигаемые при смене оптики, наглядно демонстрируют продуктивность приема остранения. В настоящей статье исследовательской призмой является географическая топика. Многочисленные российские и зарубежные топографические наименования в сатирах функционально значимы и на уровне RES, и на уровне VERBA. Каждое географическое название предстаёт нервным узлом, активизирующим самые разные семантические «сближения», главными из которых оказываются время и память. География в сатирах представлена широко. Здесь и Москва, и Подмосковье, и Петербург, и Сибирь, и европейские Франция и Италия, и экзотические Индия, Китай, «арапские» страны. Географические границы мира сатир расширяются за счет примечаний, где Кантемир дает подробную информацию обо всех упоминаемых в сатирах персонажах, как реальных, исторических, так и вымышленных. Важной оказывается и «историческая» («дела давно минувших дней», выраженные в географических категориях), и «фантастическая» география (мифологический мир древней Греции и Рима, с подробным описанием мест обитания богов, и мир лесного народа сатиров). Весь спектр разнообразных художественных эффектов, создаваемых мастерским использованием географической топики (в том числе и для достижения иронического тона, главного в сатирах), является органической частью фонда готового слова, переданного Кантемиром в наследство русской поэзии. В статье показано, как методы полифункционального использования географических наименований, примененные Кантемиром, приняты и развиты последующей русской поэзией, не всегда, правда, осознающей соответствующую генетическую связь. Поэтому заголовок статьи, включающий пуш-

кинскую цитату в контекст разговора о сатирах Кантемира, представляется правомерным: кладовая топики и приемов Кантемира на поверку оказывается неизбежно возникающим основанием разнообразных филологических интерпретаций.

Ключевые слова: А.Д. Кантемир, сатиры, географическая топка, русская поэзия, А.С. Пушкин.

Правомерно ли статье о сатирах Кантемира давать заголовок из Пушкина? Ответ на этот вопрос должен возникнуть в конце чтения.

А в начале статьи – вместо эпиграфа – приведем два филологических высказывания: одно о Пушкине, другое о Кантемире.

Л.В. Пумпянский: «...Так действуют не писатели, а истинные классики: основатели. Они не изображают, а чертят географическую карту всех возможных будущих изображений... Они открывают дальним плаванием великий океан будущей поэзии, но не описывают ни островов, ни бурь, а говорят: здесь, под таким-то градусом, есть остров; здесь же риф, бойтесь его и оплывите. История этих мест будет создана после, ей предшествует география. Торопливость рассказа у Пушкина связана с тем, что плавание предстоит дальше и останавливаться нельзя» [Пумпянский 1982, 213].

Р.И. Сементковский: «Без всякого преувеличения можно сказать, что Кантемир поставил первые вехи, что он с необычайной силою указал фарватер, по которому русская литература будет для своей славы и чести плыть еще долго» [Сементковский 1893, 95].

Обратим внимание на географическую метафорику в обеих цитатах, т.к. в качестве призмы – или маршрута (для сохранения единства метафорической кодировки) – сегодняшнего путешествия по миру сатир мы выбрали географию.

География у Кантемира существует и на уровне RES (реальные топографические пункты, позволяющие увидеть систему географических представлений русского культурного человека первой половины XVIII в.), и на уровне VERBA. Большинство географических названий, присутствующих у Кантемира, продолжили жить в русской поэзии, сохраняя семантический ореол, заданный в сатирах, или весьма значительно трансформируя его.

В сатирах упоминаются многочисленные географические названия. Здесь и Москва, и Гилянъ, и Индия, и Китай, и Франция, и Италия. И безымянная деревня, и море, и лес. Географические края – это декорации, границы заключенного в них микросюжета. Кантемир водит читателя с края на край света, то приближая, то удаляя камеру. Хрисипп из 3-й сатиры

С край света прибыв, тотчас в другой уж край света
Сбирается... [Кантемир 1956, 89].

Такая же участь ждет и внимательного читателя сатир.

Главной оппозицией при рассмотрении темы окажется «Россия / зарубежные страны».

Россия

Москва и Подмосковье

Москву «с края на край» обегает искатель покровительства и чинов (например, уже упоминавшийся Хрисипп в 3-й сатире); в Москве стоят дома многих персонажей сатир – именно в них впоследствии будет происходить действие многих русских комедий.

«Пространные» дома герои Кантемира строят и за Москвою – например, Клеарх из 3-й сатиры:

Дом огромный в городе, дом и за Москвою,
Оба тщивости самой убранны рукою;
Стол пространный, весь прибор царскому подобен...

[Кантемир 1956, 90].

Даже «стоletний старик в постели» из 5-й сатиры мечтает о таком загородном доме:

Однако ж дряхлой рукой и в очках рисует.
Что такое? ведь не гроб, что ему бы к стати, –
С огородом пышный дом, где б в лето гуляти... [Кантемир 1956, 135].

Эти подмосковные дома, где можно «в лето гуляти» — предвестники будущего дачного текста русской литературы.

Москва упоминается и в связи с путешествиями Петра как место, органически связанное с топицей старого и архаичного:

...сам странствовал, чтоб подать собою
Пример в чужих братьях то, что над Москвою
Сыскать нельзя... [Кантемир 1956, 159].

Возникает тема обмена (культурного и экономического) между Россией и Западом. И оппозиция «Москва / Петербург», и стоящее за ней противопоставление старого / нового, неизбежно выводящие на роль Петра, оказываются намеченными уже у Кантемира: «Прибавить должно: *было*, понеже после принятых императором Петром Великим трудов, уже в России сыскать можно все то, что он искал в чужих краях» [Кантемир 1956, 165].

Петербург

В самом тексте сатир Петербург не упоминается, а вот в примечаниях – не раз. А если отвлечемся от текста сатир и перенесемся в незаконченную поэму «Петрида», то найдем первое в русской поэзии описание Невы:

Течет меж градом река быстрыми струями,
В пространно тречисленными впадая устами
Море, его же воды берега подмывают
Северных царств, Балтицко древни называют.
Над бреги реки всходят искусством преславным
Домы так, что хоть нов град, ничем хуждши давным,
И имать любопытно чим бы насладиться
Око; имать и недруг, чего утрашиться:
Шестибочная крепость, в воде водруженна,
Не боится усильства Марса оруженна,
Но, щитя своих, крепко грозит и смелейшим.

Тут рукой трудился Петр и умом острейшим... [Кантемир 1956, 246].

Прославить Петра высоким штилем, закончить «Петриду» у Кантемира не вышло, но все сатиры – это, по сути, восхваление Петра. Для Кантемира Петр – образцовый монарх, эталон, по которому равняются все последующие правители¹. Тема Петра в сатирах многоаспектна и ещё ждёт своего микрофилологического освещения. В настоящей статье мы просто отметим, что «многоочитость» (слово Феофана Прокоповича), всеприсутствие Петра в российской жизни выражаются и в географических категориях – в данном случае в топосе «Петр и Петербург». От Кантемирова описания Петербурга до пушкинского «Красуйся, град Петров...» совсем недалеко, однако до феофановско-кантемировского слоя в теме «Петр и Пушкин» исследователи добиваются далеко не всегда.

Азов

Осада Азова выступает в сатирах как перифраз слова «давно»:

Милует же тебя бог, буде он осаду

Азовску еще к тому же не прилепит сряду... [Кантемир 1956, 93].

Так географическое название вводит топику времени, истории, исторической памяти. А Азов – вновь включает тему Петра, заметно расширяя её за счёт географии.

Русская поэзия возьмёт на вооружение этот приём – географическое название как механизм включения времени и памяти. Часто с ироническим оттенком, как, например, в «Горе от ума»: «... времен Очаковских и покоренья Крыма».

У Кантемира есть перифрастические формулы для выражения давности и из сферы ономастики: «во время Ольги», «моложе Владимира одним только годом». Такие причудливые синонимические отношения антропонимики с географией – пример проявления принципа разнооб-

---

¹ Безусловно, в своем прославлении Петра Кантемир повторяет практически все положения Петровского канона Феофана. См. об этом: Довгий 2015.

разия в сатирах, инвенционного дара Кантемира, его умения одну мысль выразить разными способами. Ну и единства мира, разумеется.

Сибирь

Судьба Макара из 5-й сатиры незавидна: побыв краткий срок «временщиком», он

...с стыдом в печали проводит

Достальную бедно жизнь между соболями [Кантемир 1956, 135].

Кантемир этим строчкам даёт очень лаконичное пояснение: «В ссылке в Сибири, откуда соболи приходят» [Кантемир 1956, 145].

Так что и богатая сибирская тема есть у Кантемира.

Город / не город

Действие всех сатир происходит в пространстве города, иногда называемого Москвою, чаще безымянного. «Город» — так именуется место, где происходят события пятой сатиры. В этом названии чувствуется скрытая антитеза с местом, где обитает лесной народ сатиров. Именно сюда мудрый Пан посылает своих подданных, чтобы «набраться причины смеху». Вся жизнь города, представленная глазами удивленного Сатира, — яркий пример остранения. Прием, использованный Кантемиром, очень похож на механизм восприятия оперы Наташей Ростовой. Вот первое впечатление Сатира от города:

Прибыл я в город ваш в день некий знаменитый;

Пришед к воротам, нашел, что спит как убитый

Мужик с ружьем, который, как потом проведаль,

Поставлен был вход стеречь...[Кантемир 1956, 123].

Вообще, отсутствие названия у города позволяет активно включать режим абсурда и карнавала:

Песни бесстудны и шум повсюду бесстройный,

Что и глухого ушам были б беспокойны;

Словом, крайний там мятеж, бесчинство ужасно;

Народ весь как без ума казался мне власно [Кантемир 1956, 123].

И высшая точка этой картины — фантастический образ пьяного города:

...Сегодня один из тех дней свят Николаю,

Для чего весь город пьян от края до краю [Кантемир 1956, 126].

Хотя, безусловно, можно трактовать это выражение и как метони-мию.

Город противопоставлен «не городу» и по принципу декорума, уместности — в частности, в сфере моды. Филарет во 2-й сатире иронически обыгрывает повышенную внимательность своего приятеля Евгения к тонкостям в отношении выбора ткани для кафтана:

Пора, место и твои рассмотрены годы,

Чтоб летам сходен был цвет, чтоб, тебе в образу,

Нежну зелень в городе не досажал глазу,

Чтоб бархат не отягчал в летню пору тело,
Чтоб тафта не хвастала среди зимы смело [Кантемир 1956, 72].

Кантемир дает к этим строкам примечание: «Щегольские правила требуют, чтоб красный цвет, а наипаче шипковый не употреблять тем, коим двадцать лет минули; чтоб не носить летом бархат или зимою тафту, или в городе зеленый кафтан, понеже зеленый цвет в поле только приличен» [Кантемир 1956, 83].

Деревня

Деревня в сатирах абсолютно риторическая.
Деревнями можно награждать:
...Дамон на сих днях достал перемену чина,
Трифону лента дана, Туллий деревнями
Награжден... [Кантемир 1956, 68].

Деревню можно на себя «вздеть». Во 2-й сатире в обличительном монологе Филарета встречаем яркую метонимию:

Деревню взденешь потом на себя ты целу... [Кантемир 1956, 72].

За этим образом стоит своеобразный «круговорот деревни»: по сути, это поместья, которыми были награждены предки Евгения за свои заслуги. Деревня с землей, людьми переводится в деньги. На эти деньги покупается одежда (часто за границей), которую с трудом и потом (своим и слуги) надевает на себя Евгений.

Деревню можно использовать в качестве меры:

...с деревню палаты
Хирон имел, и еще мнились тесноваты... [Кантемир 1956, 129].

Описаны и живущие в таких деревнях крестьяне. Рассказ о них Кантемир передает Сатиру, и тот их не щадит, во всей красе высвечивая их пороки: лень, непостоянство, тягу к сладкой жизни:

Пахарь, соху ведучи иль оброк считая,
Не однажды привздохнет, слезы отирая:
«За что-де меня творец не сделал солдатом?
Не ходил бы в серяке, но в платье богатым,
Знал бы лишь ружье свое да своего капрала,
На правеже бы нога моя не стояла,
Для меня б свинья моя только поросилась,
С коровы мне б молоко, мне б куря носилась;
А то все приказчице, стряпчице, княгине
Понеси в поклон, а сам жирей на мякине».
Пришел побор, пахаря вписали в солдаты —
Не однажды дымные помнит уж палаты,
Проклинает жизнь свою в зеленом кафтане,
Десятью заплачет в день по сером жупане.
«То ль не житье было мне, — говорит, — в крестьянстве?
Правда, тогда не ходил я в таком убранстве,

Да летом в подклете я, на печи зимою
Сыпал, в дождик из избы я вон ни ногою;
Заплачу подушное, оброк – господину,
А там, о чем бы тужить, не знаю причину:
Щей горшок, да сам большой, хозяин я дома,
Хлеба у меня чрез год, а скотам – солома;
Дальна езда мне была съездить в торг для соли
Иль в праздник пойти в село, и то с доброй воли... [Кантемир 1956, 137].

Присутствует у Кантемира и горацанское понимание деревни как поэтического уголка:

Малый свой дом, на своем построенный поле,
Кое дает нужное умеренной воле... [Кантемир 1956, 147].

Этот мотив особенно полюбится русской поэзии. Пушкин активно использует его уже в Лицее («Послание к Юдину»):

Не лучше ли в деревне дальней
Или в смиренном городке,
Вдали столиц, забот и грома,
Укрыться в мирном уголке,
С которым роскошь незнакома... [Пушкин 1950а, 169].

Как видим, у Кантемира заготовлены приемы для описания деревни и в идиллическом, и в «обличительном» тоне. Да и различные способы создания иронического эффекта не забыты. Русской поэзии было из чего выбирать.

Как комбинирует Пушкин все эти оттенки, можно увидеть, перечитав хотя бы деревенские главы «Онегина».

Лес

Из леса пришел и в лес возвращается Сатир – именно там пасется «стадо безопасно» мудрого и веселого Пана (тут и становится явной риторичность определения: стадо на уровне RES в лесу пасти трудно, а на уровне VERBA – сколько угодно).

Дальние страны

«*Края чужестранные*» – это самое общее название, скрывающее в себе самые разные семантические ответвления. По этим краям можно странствовать; из них можно возвратиться / не возвратиться; из них можно что-то привезти (материальное / нематериальное).

Здесь и Европа, и Азия. Это поставщики самых экзотических товаров (одежды, еды, питья, различных невиданных в России аксессуаров), которыми балуют себя представители новой знати и щеголи:

Искусство само твой дом создало пространный,
Где все, что Италия, Франция и странный
Китайск ум произвели, зрящих удивляет.
Всякий твой член в золоте и в камнях блистает,

Которы шлет Индия и Перу обильны... [Кантемир 1956, 149].

В примечании Кантемир останавливается на специализации стран: «Известно, что мраморные украшения и живопись лучшие из Италии выходят, что во Франции лучшие обои, столы и прочие домовые приборы делаются и что китайцы в своем странном уме искусны вымышлять так фарфоровые посуды разные, как и домовые украшения» [Кантемир 1956, 153].

Экономика, нравы, мода, быт, кулинария — это лишь немногие из тем, которые включаются географическим «щелчком».

Русская поэзия очень полюбит мотив привозной роскоши. Географическое расширение добавляет ещё большего блеска. Или усиливает ироническое звучание.

Певец Фелицы использовал этот прием постоянно («К первому соседу»):

Из глин китайских драгоценных,
Из венских чистых хрусталей,
Кого толь славно угощаешь... [Державин 1957, 90].

Пушкинские стихи, свидетельствующие о его любви и внимательности к географическим деталям, всплывают в памяти сами собой. Приведем самые хрестоматийные из них, те, что звучат в «Евгении Онегине»:

...Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтийским волнам
За лес и сало возит нам,
Все, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной,—
Все украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет.... [Пушкин 1950с, 19].

Отметим общее у Кантемира и Пушкина словечко «обильны». Как по-разному оно играет в контексте каждого из поэтов: у Кантемира «обильны страны»; у Пушкина «обильна прихоть». Вынесение прихоти в позицию рифмы и ее персонификация дают сигнал к большому разговору о смене понятий. В сатирах перечисление стран и их товаров — свидетельство расширения связей России (снова скрытая похвала политике, начатой Петром); это самое начало мотива «всемирной отзывчивости» русского человека к достижениям комфорта.

У Пушкина — продолжение темы. За век, прошедший со времен Кантемира, откормленная и раздувшаяся прихоть уже не знает, чем ей себя потешить. Из России вывозятся «лес и сало» — продукты уровня хлеба; с Запада же ввозятся всевозможные безделки.

В связи с географией в сатирах включается тема моды, важнейшая для сатирических сочинений. Вот что Евгений, по словам его приятеля Филарета, привез из чужих краев:

Долголетнего пути в краях чужестранных,
Иждивений и трудов тяжких и пространных
Дивный плод ты произнес. Ущербя пожитки,
Понял, что фалды должны тверды быть, не жидки,
В пол-аршина глубоки и ситой подшиты... [Кантемир 1956, 72].

Евгений – родоначальник огромной семьи щеголей-путешественников, вернувшихся на родину с бесценным знанием о последних веяниях моды. Герой «Графа Нулина» – его прямой потомок:

Себя казать, как чудный зверь,
В Петрополь едет он теперь
С запасом фраков и жилетов,
Шляп, вееров, плащей, корсетов,
Булавок, запонок, лорнетов,
Цветных платков, чулков à jour... [Пушкин 1950b, 240-241].

Да и Ленский, описанный иронической зевгмой, тоже оказывается в родстве с Кантемировым щеголем:

Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч... [Пушкин 1950с, 38-39].

Франция

Мода – вот главное, чем славится Франция.

«Мода слово французское, значит обычай в ношении платья, в употреблении всяких уборов и в самих наших поступках» [Кантемир 1956, 83], – замечает Кантемир. Ко времени Пушкина ничего не изменилось:

Лихая мода, наш тиран,
Недуг новейших россиян... [Пушкин 1950с, 118].

«С платьем, и нравов пременилась мода» – эта формула Кантемира достойна запоминания.

О щеголях и моде в одежде речь шла выше. Однако мода на слова – тоже важный мотив в сатирах. В речи персонажей уже проскальзывают французские словечки, например, у того же Евгения. И это логично: набравшись новейших идей в сфере выбора одежды, он не мог не обогатить и словарный запас:

Взгляни на пространные стены нашей салы –
Увидишь, как рвали строй, как ломали валы... [Кантемир 1956, 69].

Слово «сала» выделено путем диафорического повтора: Филарет в ответной реплике возвращает приятелю иностранное словечко, снабжая его ироническим комментарием:

Но те, что стенах твоей на пространной салы

Видишь надписи, прочесть труд тебе немалый...[Кантемир 1956, 73].

Ирония усиливается из-за повтора Филаретом и слова «сала», и прилагательного «пространный», примененного Филаретом к самой «сале» (в то время как у Евгения «пространны стены»).

Кантемир дает лингвистическое примечание: «Сала – слово французское, *sale* – *большая горница*» [Кантемир 1956, 78].

А вот и ещё одна реплика Кантемира в будущих лингвистических спорах: «Именем судьи здесь разумеется всяк, кто рассуждает наши дела; французы имеют на то речь: *critique*, которых жаль, что наш язык лишается».

Ненужное заимствование / «слово, которых жаль, что наш язык лишается» – таковы лингвистические крайности, провиденные Кантемиром. Будущие бои вокруг старого и нового слога тоже предсказаны в сатирах.

И французское кулинарное искусство, столь любимое русской поэзией, есть у Кантемира. Причем сразу в ироническом изводе, с обыгрыванием баснословной его цены:

...золото на золоте всходит

Тебе на стол... [Кантемир 1956, 149].

Так описана трапеза богача в 6-й сатире. В примечаниях Кантемир раскрывает секрет, выраженный при помощи полиптотона: «Французские повары нашли то искусство, чтоб кушанье так дорогое стряпать» [Кантемир 1956, 153].

В течение 18 века франкомания станет главной сатирической мишенью. Но предвестие ее уже можно услышать в сатирах Кантемира.

Италия

Италия в тексте сатир просто перечислена среди прочих заморских стран. Но в примечаниях встречается многократно, чаще всего в рассказе о поэтах: «Смотри там, какие были труды Енеевы, пока прибыл в Италию и поселил своих людей. Не меньши были труды его наследников в утверждении и распространении римской области» [Кантемир 1956, 82].

Италия, Рим упоминаются среди мест, связанных с именем Феофана.

Италия в сатирах – это поэзия, это наука. Последующая русская поэзия будет активно развивать эти тезисы.

Китай

«Китай, по-европейски *Хина*, La Chine, – великое и богатое государство, российскому смежное и царству Сибирскому» [Кантемир 1956, 101], – замечает Кантемир в примечаниях.

В пору Кантемира он уже хорошо известен в России. Воспринимается как край света:

Недавно с Китая,

С край света прибыв... [Кантемир 1956, 89].

Поставщик модного «пойла», которого ждет по утрам Евгений:

Тянешься уж час-другой, нежишься, сжидая

Пойло, что шлет Индия иль везут с Китая... [Кантемир 1956, 71].

«Всем известно же, что лучший чай (пахучий и вкусный листок дерева, так называемого) приходит из Китая и что, того листика вложив щепень в горячую воду, вода та становится, приложив кусок сахара, приятное пойло» [Кантемир 1956, 82].

Ко времени Пушкина уже и поместное дворянство пьет чай из китайского чайника, не видя в этом ничего экзотического.

Индия и Китай даны как поставщики «пойла», но у Кантемира они получаются не похожими друг на друга: Индия активна и, получается, более дружественна России – она шлет товары сама; а с Китая «везут» – здесь на первый план выходит уже даже не сам Китай, а те, кто везет:

Искусство само твой дом создало пространный,

Где все, что Италия, Франция и странный

Китайск ум произвели, зрящих удивляет... [Кантемир 1956, 149].

Китай все время как-то особенно выделен. «Произвели Италия, Франция» – зачем бы не сказать дальше: «Китай»? А Кантемир заостряет внимание именно на китайском уме. «Странный ум» – в устах представителей старого это, пожалуй, звучало бы как хула.

География используется и как средство создания иронического тона. В качестве материала для иронического сравнения часто выбираются отдаленные, экзотические страны, где мало кто бывал:

Как войско расположить, как раскопать шанцы,

Столь дико тебе, как нам – *китайские танцы*;

Осады, окоп, наступ когда поминаю,

Чаешь ты, что *арапским языком* болтаю... [Кантемир 1956, 373].

Индия

Индия в сатирах объединяется с Перу как поставщик золота и камней и с Китаем как поставщик модного «пойла»: «Кофе или шоколад. Лучший кофе приходит из Аравии, но и во всех Индиях тот овощ обилён. Всем уж у нас известно, что тот овощ, сжарив, смолов мелко и сваря в воде, вместо завтрака служит, и прихотливым – в забаву после обеда. *Шоколад* есть состав из ореха, *какао* называемый, который растёт в

Индиях Западных, из сахару и из ванили, другого пахучего овоща той же Индии. Тот состав варят в воде или молоке, и пока варится он, часто болтают, чтоб пить горячий с пеною, и то пойло вместо завтрака принимается во всей почти Европе» [Кантемир 1956, 81].

В «Путешествии Онегина» индийские купцы доберутся до Нижнего: Сюда жемчуг привез индеец... [Пушкин 1950с, 200].

Перу

Вместе с Индией Перу – поставщик золота и драгоценных камней. Кантемир в примечании дает сведения о местонахождении этой страны: «Алмазы, яхонты, жемчуги и прочие драгоценные камни, также и золото приходит нам из Восточных Индий, то есть из Китая и окружающих тому мест, да из Перу, провинции в Америке, мест, обильных такими вещами» [Кантемир 1956, 153].

Гилян

Провинция на юго-западном побережье Каспийского моря: «Гилян есть страна персидская, завоеванная Петром Великим в 1722 году, подвластна ещё России, когда сатира сия писана; но в 1734 году, чрез мирный между двумя державами договор, Персии возвращена» [Кантемир 1956, 103]. Снова сама собой возникает тема Петра.

И из Гиляни что-то привозит вездесущий купец в третьей сатире – расширяются торговые связи России. Интересно, что в Грибоедовской энциклопедии есть статья «Гилян» [Фомичев 2007]. А статьи «Кантемир» нет. Географическая ниточка, связывающая Грибоедова с Кантемиром, далеко не единственная. Тема «Грибоедов и Кантемир» тоже ждет своего часа.

Арапские страны

Эти страны абсолютно риторичны. Возникают они в обвинительном монологе Филарета во 2-й сатире, обращенном к Евгению:

Арапского языка – права и законы

Мнятся тебе, дикие русску уху звоны... [Кантемир 1956, 75].

Сложная гипербатная конструкция соответствует сложности и непонятности для русского человека арапского языка. Этот язык настолько далёк, фантастичен и чужд, что представлен только отдаленными звонами. А эти чуждые звоны, в свою очередь, означают такую же непонятность и чуждость для Евгения юридических профессиональных премудростей.

«Арапский язык» – контекстуальный синоним «китайским танцам». И то, и другое означает нечто странное, неведомое, практически нереальное и оттого очень пригодное для создания иронического тона.

Америка

Еще раз выйдем за рамки сатир. В «Песни V. В похвалу наук» Кантемир говорит об открытии Америки:

Бездны ужасны вод преплыв, доходим

Мир, отделённый от век бесконечных...[Кантемир 1956, 203].

К этим строчкам даётся такое примечание: «*Бездны ужасны вод преплыв* и проч. Преплыв ужасное море океанское, доходим (или находим) Америку, новый мир, от нашего отделенный чрез многие веки; известно, что Христофор Колумбус Америку изобрел в 1492 году» [Кантемир 1956, 208].

Мы перечислили страны, упоминаемые в самом тексте сатир. В примечаниях их список гораздо шире. Кантемир подробно говорит о маршрутах Феофана: «Феофан продолжал обучение свое в училище киевском, и прошел стихотворство, витийство и философию. В 1698 году, по обычаю учеников киевских школ, ездил в Польшу и оттуда, под именем униата, чрез Германию отъехал в Рим. Тамо обучился итальянскому языку и по трилетном пребывании возвратился в Киев... император повелел ему за собою следовать в начатой против турков войне в 1711 году, в котором походе отправлял должность проповедника; по возвращении с похода учинен игуменом киевского Братского монастыря.... В 1715-м император Петр Великий, по отрешении патриаршеского достоинства, желая исправить порядок и исправление чинов церковных, призвал Феофана в Москву и епископом псковским поставил...» [Кантемир 1956, 100].

География «историческая» и «фантастическая»

«Историческая» — это «дела давно минувших дней» в географических категориях. В сатирах постоянно упоминаются поэты, исторические деятели прошлого. В примечаниях Кантемир, давая сведения о жизни каждого из них, вводит и новые географические названия. Так, с упоминанием Александра Македонского в мир сатир входит Вавилон, с описанием времени Ольги — греки и т.д.

К фантастическому можно отнести географию мифологии. Постоянно упоминаемые в сатирах греческие и римские боги, герои мифов обладают собственной средой обитания — так появляется Олимп («Олимп есть гора в острове Кипре. У Виргилия и других стихотворцев значит *небо*, понеже та гора гораздо высока»), Парнас («Парнас есть гора в Фоциде, провинции греческой, посвященна музам, на которой они свое жилище имеют») и т.д. При описании Икара возникают Афины, остров Крит, Эгейское море, при описании Елены и Менелая — Троя и т.д.

Географические границы мира сатир расширяются и при упоминании разных народов, как современных, так и живущих только в куль-

турной памяти: «греки и латины» («мертвые друзья»), «скифы» (не Кантемир ли вводит тему скифов в русскую поэзию?).

А рассказ о странствиях персонажей – добровольных (как у Петра, Евгения, Хрисиппа) или принудительных (сатиры, отправляющиеся в чужие края по воле Пана; крестьянин, отданный в солдаты, вынужденный «волочиться по свету») – не пролог ли к травелогам, чья популярность обусловлена во многом полиаспектностью и калейдоскопичностью подачи событий?

Мы начали статью с двух цитат, где использована географическая метафорика. Было бы странно, если бы мы не обратили внимание на этот аспект в сатирах.

Метафорика пути, путешествия, плавания, моря, гор действует на всем протяжении сатир, делая ещё более правомерным сравнение чтения с путешествием. Приведём лишь один пример. Подъём на гору использован как метафора движения в высшие слои общества:

Кто б не смеялся тому, что стежку жестоку
Топчет, лезя весь в поту на гору высоко,
Коей вершина остра так, что, осторожно
Сколь стопы ни утверждать, с покоем не можно
Устоять, и всякий ветер, что дышит, опасный:
Грозит бедному падеж в стремнины ужасны... [Кантемир 1956, 147].

Путешествовать по поэтическому миру сатир можно бесконечно, всякий раз выбирая новый маршрут.

Что же дал нам беглый взгляд на сатиры сквозь призму географии? География в сатирах достойна внимания и на уровне RES: она фиксирует начальный этап использования географической топики в русской поэзии Нового времени. Это своего рода представления о поэтическом глобусе первой половины XVIII в. С новой силой ощущается необходимость составления тезауруса сатир, где скрупулезное описание всех географических объектов станет важным разделом.

Но еще важнее исследование географии на уровне VERBA. Используя трансформацию известной формулы, можно сказать, что география в сатирах больше, чем география. Метафору зеркала в последнее время не употребляет только ленивый, но вины самой метафоры в этом нет. География в сатирах – это действительно зеркало. Каждое географическое название становится нервным узлом, активизирующим самые разные семантические «сближения», главными из которых оказываются время и память. Методы полифункционального использования географической топики, примененные Кантемиром, приняты и развиты последующей русской поэзией, в частности, Пушкиным (увы, часто без осознания генетической связи).

Так что можно сказать, что взгляд на сатиры сквозь призму географии дал новые нюансы, новые микросвязи внутри поэтического мира сатир, а значит, новые доказательства единства этого мира. И новое понимание обилия способов, с помощью которых Кантемир умеет расширять границы этого мира – вплоть до безграничности.

А что же наш главный вопрос: правомерно ли использование пушкинской цитаты в заглавии статьи о Кантемире? Вспоминал ли Пушкин, так и оставшийся виртуальным «любителем» «чужих краев», Кантемира всякий раз, когда вольно и свободно играл географической топикой? Вряд ли. Однако отрицать наличие кантемировского слоя в пушкинской традиции вряд ли получится.

Поэтому заголовок статьи, включающий пушкинскую цитату в контекст разговора о сатирах Кантемира, представляется правомерным: в любом «стратиграфическом» разрезе русской поэзии Нового времени система топики и приемов Кантемира неизбежно оказывается самым ранним образованием.

Источники

Державин 1957 – Державин Г.Р. *Стихотворения*. Л., 1957.

Кантемир 1956 – Кантемир А.Д. *Собрание стихотворений*. Л., 1956.

Пушкин 1950а – Пушкин А.С. *Полное собрание сочинений в десяти томах*. Том I. М.-Л., 1950.

Пушкин 1950b – Пушкин А.С. *Полное собрание сочинений в десяти томах*. Том IV. М.-Л., 1950.

Пушкин 1950с – Пушкин А.С. *Полное собрание сочинений в десяти томах*. Том V. М.-Л., 1950.

Литература

Довгий 2015 – Довгий О.Л. *И Кантемир, и Феофан*. Saarbrücken, 2015.

Пумпянский 1982 – Пумпянский Л.В. *Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина* // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1982. Т. 10. С. 204–215.

Сементковский 1893 – Сементковский Р.И. *Антиох Кантемир. Его жизнь и литературная деятельность*. СПб., 1893.

Фомичев 2007 – Фомичев С.А. *Грибоедов. Энциклопедия*. СПб., 2007.

STRANGE COUNTRIES' NAIV AMATEUR: GEOGRAPHY IN A. CANTEMIR'S SATIRES.

© **Dovgy Olga Lvovna (2019)**, orcid.org / 0000-0002-3957-7857, SPIN-код: 1275-8614, Doctor of Philology, senior research fellow, faculty of journalism, Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation); associate professor, history of Russian classical literature chair, Russian State University for the Humanities (6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation), olga-dovgy@yandex.ru

The paper continues the series of author's publications devoted to the microphilological analysis of A. Cantemir's satires. The construction of satires is considered by the author to be a united text complex, a joint poetic world, admissible to unlimited amount of interpretations through different research prisms. The results achieved when changing optics clearly demonstrate the efficiency of defamiliarization device. Herein geography is taken as a prism. Numerous Russian and foreign topographical names in satires are functionally significant both at the «RES» level and at the «VERBA» level. Each geographic name turns out to be a nerve node, activating the most diverse semantic "convergence", the main of which are time and memory. Geography in satires is presented widely. Here and Moscow, and Moscow region, and St. Petersburg, and Siberia, and European France and Italy, and exotic India, China, "Arap" countries. The geographic boundaries of the satyr world are expanded by notes, where Cantemir gives detailed information about all the characters mentioned, either real, historical, and fictional. Important is also the "historical" ("deeds of bygone days" expressed in geographic categories), and the "fantastic" geography (the mythological world of ancient Greece and Rome, with a detailed description of the gods' habitats, and the world of satyr forest people). The whole range of diverse artistic effects from the masterly use of geographic topography (including ways to achieve an ironic tone, the main thing in satires) is an organic part of the stock of ready-made words, transferred by Cantemir by Russian poetry. Methods of multifunctional use of geographic names, applied by Cantemir, are adopted and developed by subsequent Russian poetry - in particular, by Pushkin (alas, often without an awareness of the genetic link). Therefore, the title of the article, which includes Pushkin's quotation in the context of Cantemir's satires, seems appropriate: Cantemir's actual storage of topics and techniques turns out to be an inevitable basis for philological "excavations" and "deleting layers" when analyzing a lot of poetic texts.

Keywords: A. Cantemir, Satires, Geography, Russian Poetry, A. Pushkin

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

Пумпянский 1982 – Pumpyanskiy L.V. *Ob ischerpyvayushchem dele-nii, odnom iz printsipov stilya Pushkina* [About exhaustive division, one of

the principles of pushkin's style]. Predisl. N.I. Nikolayeva. *Pushkin: Issledovaniya i materialy* [Pushkin: research and materials]. Leningrad, 1982, V. 10, pp. 204–215. (In Russian).

(Monographs)

Довгий 2015 – Dovgy O.L. *I Kantemir, i Feofan* [And Cantemir, and Feofan]. Saarbrücken, 2015 (In Russian).

Сементковский 1893 – Sementkovskiy R.I. *Antiokh Kantemir. Ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'* [Antioch Cantemir. His life and literary activities]. St. Petersburg, 1893. (In Russian).

Фомичев 2007 – Fomichev S.A. *Griboyedov. Entsiklopediya* [Griboyedov. Encyclopedia]. St. Petersburg, 2007. (In Russian).

Поступила в редакцию 1.07.2019